

односельчанам мудрый чукча, вернувшийся со съезда партии: «Партия учит – все во имя человека. Все на благо человека и чукча видел этого Человека!». Вопрос, следовательно, заключается в создании системы социального устройства, альтернативной западной, где во главе угла стоит идеологема приоритета личности и практика учета коллективных социальных интересов. Не потому ли уничтожил Запад прежнюю независимую Ливию, что народная Джамахирия создала альтернативное и во многом подобное советской власти справедливое общественное устройство, в котором личность свободна и права человека не были нарушены? Такое совершенное устройство достижимо при сочетании передовой теории и традиционной практики социального народного жизнеустройства. Сегодня в России возникают условия для обеспечения такого гармоничного сочетания национально-освободительных реформ и евразийско-культурологического дискурса модернизации. Вопрос заключается в формировании элитой такого модернизационного дискурса, который был бы органически принят российским народом. Такой дискурс может выглядеть только как предельно откровенное «Слово к народу» национального лидера и его национальной элиты, начинающийся с обращения: «Братья и сестры!».

И.С. Колесова
Филиал УрГПУ, Новоуральск

СОБОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕГО ОЦЕНКА Е.С. ТРОИЦКИМ

За последние десятилетия в России произошли изменения в политическом устройстве, трансформировался экономический уклад, система социально-культурных ценностей российского общества. Остро встала проблема поиска новых ориентиров духовного и социального развития страны, создания современных экономических моделей и политических институтов, адекватных вызовам современности. Для ее решения целесообразно обратиться к историческому опыту русской духовной культуры, произвести рациональную реконструкцию и анализ ее ведущих сквозных тем, одной из которых является идея соборности. Многие современные ученые и общественные деятели видят в соборности ресурсно-мобилизационный механизм для будущего социального и государственного развития России. Ее рассматривают как «генетический код российского социума», фундамент новой российской государственности. Соборность трактуют как энергетический ресурс русской культуры, опору, с которой возможно поднять русский дух и обеспечить возможность выживания страны. Эти мысли

звучат в работах С.С. Аверинцева, В.В. Горбунова, А.В. Гулыги, А.Ф. Замалеева, А.Л. Казина, В.И. Курашова, Н.Н. Моисеева, А.С. Панарина, В.Н. Сагатовского, Е.С. Троицкого, Л. Е. Шапошникова, С.С. Хоружего, В. Холодного.

Несмотря на возрастающее количество современной научной литературы, посвященной использованию соборного потенциала для возрождения российского общества, проблематика соборности до сих пор еще не раскрыта во всей полноте.

Автор монографии «Российское общество, природа и космос в свете русской соборности» известный русский философ и политолог Е.С. Троицкий с сожалением отмечает, что соборность как черта русского мирозерцания, стержень национальной духовности «полузабыта». Ученый, несомненно, прав, когда призывает усиленно работать над соборностью, вскрыть ее духовно-исторические и социальные истоки. Внося весомый вклад в решение приоритетной для многих поколений отечественных обществоведов задачи, Е.С. Троицкий, связывая эмбриональные формы соборности с древнеславянской мифологией, правильно указывает на ее православные истоки [1, с. 24–32]. Однако данные указания не сопровождаются глубоким обстоятельным анализом генезиса соборности. Его отсутствие привело мыслителя к ложному убеждению, что соборность – родовая характеристика, на основе которой обеспечивается единство людей в рамках некоего рода. Исходя из этого, ученый особое внимание уделяет не церковным, а общественным, человеческим истокам соборности. Указывая, что ее проявления можно обнаружить и в сельской общине, и в русской артели, в семейном и экономическом укладе русских людей, мыслитель по сути отождествляет соборность и коллективизм, тогда как сущностный смысл соборности с коллективизмом не совпадает и является полной ему противоположностью. В этом можно убедиться, обратившись к рассмотрению проявлений соборных начал в социальной сфере у А.С. Хомякова, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, В.И. Иванова и др. Доминирующей мыслью в их взглядах на соборность является та, что различные «коллективистские теории», не опирающиеся на духовное основание, есть проявление «лжесоборности», которая отрицает во имя низшего и стихийного... высшее и благодатное» [2]. Если в соборной жизни личность возводится к высшему соборному единству, не теряя своей индивидуальности, то коллектив строится на основании инстинкта стадности. Личность в коллективе теряет свою неповторимость и, вступая в соглашение с другими, принимает определенные правила, которые носят принудительный характер. В результате личность становится средством для реализации целей коллектива. Духовное единство заменяется «душевно-телесным», на первый план выходят материальные интересы. Таким образом, идеальное соборное единство может быть реализовано лишь в православной церкви, ибо «ду-

ша православия есть соборность». Правильное «течение социальной жизни» должно определяться соборностью церковной. Не принимая во внимание данных интенций, Е.С. Троицкий считает, что соборность, восходящая к национальным традициям, жива и сейчас. Она рельефно проявляется в забастовках российского рабочего класса, в движении против превращения России в полуколонию транснационального капитализма, в стремлении возродить традиционную соборную семью, обрести личное счастье и общественное здоровье. Активное соборное взаимодействие людей в современном мире способствует формированию осознанного отношения к окружающей среде и, в глобальном измерении, к поддержанию равновесия в биосфере [1, с. 150–169].

В связи с этим особое значение для возрождения русской цивилизации обретает философия русского космизма. Мыслитель отмечает, что видное место в соборном христианском обосновании космизма занимает философия общего дела Н.Ф. Федорова и философия всеединства В.С. Соловьева. Автор замечает, что анализ соборности осуществлялся этими мыслителями с широких мировоззренческих позиций, но не останавливается на противоречиях и недостатках их концепций. Мы же убеждены, что для адекватного представления о соборности, необходимо настоятельно подчеркнуть, что именно с В.С. Соловьева в русской религиозной мысли наметилась тенденция к подмене идеи царствия небесного на идею царства Божиего на земле. В результате внедрения внешних форм церковной жизни в мирскую систему ценностей, в соловьевской утопии церковная благодатная соборность подменяется общественно-органическим холизмом.

Несостоятельность трактовки соборности у Н.Ф. Федорова основана на искажении христианского содержания идеи воскрешения. Философ весь смысл этой идеи сводит к телесному воскрешению, забывая о духовном преображении людей. Такой же противоречивой является идея храма, предложенная мыслителем. Он наделяет храм функциями, не свойственными для традиционного православия. Нарушая гармонию соборной метафизики, Федоров подменяет идею церковной соборности идеями натуралистической соборности, выстроенной на естественно-научной базе. Ожидаемое воскресение «должно быть не только христианским делом, внехрамовой литургией, но и делом позитивно-научным, техническим» [3, с. 237]. Спадает пелена мистицизма, но крепнет вера в возможность переделки земного бытия и воплощения царства Божия на Земле. При этом соборность как религиозный православный идеал, огрубляясь материей, утрачивает свою привлекательность и разрушается.

Отсутствие критических оценок в концептуальном обосновании социально-политического переустройства России на основе соборности у Е.С. Троицкого, является, пожалуй, главным недостатком. Поверхностный анализ экклезиологических оснований соборности, невнимание к метафи-

зическим идеям христианской патристики приводит автора к ошибочным выводам, о том, что соборность не только церковная, но и светская социально-политическая ценность, отсюда же следуют досадные неточности в терминологии: бессмертное творение Андрея Рублева именуется картиной. Общеизвестно, что икона отличается от картины своей целью и присущим ей трансцендентным смыслом.

Получается, что для исследователя соборность представляет человеческий вариант субстанционального первоначала, тогда как соборность имеет опытную экклезиологическую природу. Ее источник «...изначальная тайна христианского откровения, догмат о Пресвятой Троице» [4, с. 698]. Соборность – «не человеческая, а Божественная характеристика» [5, с. 277]. Представления о соборности, выработанные в русской философии, несут в своем основании идеал Божественной Истины. «Направление философии зависит, в первом начале своем, от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице» [6], поэтому какими бы оригинальными концепциями соборности (В.С. Соловьев, Е.Н. и С.Н. Трубецкие, П. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.С. Бердяев, С.Л. Франк и др.) не была обогащена русская философская мысль, она изначально была ориентирована на первоисточник, созданный в лоне православия. Русскими философами соборность воспринималась и получала осмысление через призму догматов Восточной Церкви. Сосредоточив свое внимание на православной мысли, русские религиозные философы двигались от философии к богословию. Отсюда следует, что сущностное понимание соборности может быть установлено только при условии мыслительного приобщения к бытийному опыту той духовной традиции, в рамках которой данное понятие было сформировано, т. е. к бытийному опыту русской православной Церкви.

Исходя из этого, весьма спорно утверждение Е.С. Троицкого о том, что не правы «те ученые, политики, которые стремятся сузить рамки соборности лишь духовной сферой», «изобразить ее лишь принципом сугубо церковного устройства» [1, с. 104]. Он предлагает расширять сферу благотворного действия великого учения на некоторые общественные и идеологические институты (совхоз, колхоз, доктрины коллективизма и смешанной экономики) вплоть до глобальных размеров. Так ли это необходимо? И возможно ли расширять границы применимости этого понятия до глобальных масштабов без превращения его в поэтическую метафору или в политический лозунг, извращающий его первоначальный смысл? Дело в том, что соборность, составляя духовное основание эмпирического бытия и проявляясь на его уровне, не может быть понята по аналогии с другими видами единства мира сего. Соборность не подчиняется законам этого мира. Напротив, здешний мир существует благодаря неотмирной логике соборности. Только учитывая сверхбытийную основу соборности, направляя

мысль в русло экзистенциального опыта соборности, можно приблизиться к ее адекватному пониманию, минимально искажая ее смысл.

Признавая весомый вклад Е.С. Троицкого в современный философский дискурс соборности и во многом разделяя его взгляды на роль соборности в социально-политическом переустройстве России, мы, исследовав ее генезис, убеждены, что созданная в рамках эkkлезиологии, концепция соборности имеет в виду мистическую реальность Церкви, а не профанную земную реальность. Потенциал соборной онтологии остается все-таки в области трансцендентного. Этот высокий идеал может служить путеводной звездой, но вряд ли стоит пользоваться им как обыкновенным компасом. Вероятно, следует быть осторожнее в использовании тех или иных терминов и понятий для построения современных социально-политических концепций, не уяснив их истинных корней и значений.

Библиографический список

1. Троицкий Е.С. Российское общество, природа и космос в свете русской соборности. М.: Издательская группа «Граница», 2010.
2. Булгаков С.Н. Два града [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldenship.ru/load/b/bulgakov_s_n/dva_grada_bulgakov_s_n/258-1-0-1144.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Москва -Хранитель, 2007.
4. Лосский В.Н. О третьем свойстве Церкви // В.Н. Лосский. Боговидение. М.: ООО «АСТ», 2003.
5. Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006.
6. Киреевский И.В. Собр соч. М., 1911. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kodges.ru/107068-kireevskij.-polnoe-sobranie-sochinenij-v-2-x-tomax.html>.

А.Ф. Посыпайко
УГЛТУ, Екатеринбург

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вопрос социальной справедливости непосредственно связан с массовыми настроениями людей любой страны, которые в свою очередь могут преобразовываться в колоссальные события, меняющие политические режимы, дестабилизирующие государство и иногда приводящие к его развалу. Начинается все с внутреннего мира человека, с его психологического